

СИБИРИАДА

ВАЛЕРИАН
ПРАВДУХИН

Годы,
тропы, ружье

Сибиряда

Валериан Правдухин
Годы, тропы, ружье

«ВЕЧЕ»

1930

Правдухин В. П.

Годы, тропы, ружье / В. П. Правдухин — «ВЕЧЕ»,
1930 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4444-8427-2

Валериан Павлович Правдухин родился 21 января 1892 года в станице Таналыкская Оренбургской губернии в семье псаломщика. Многие годы учительствовал и путешествовал по родному Оренбуржью и Западной Сибири. Его путевые заметки и легли в основу первой большой книги «Годы, тропы, ружье», увидевшей свет в 1930 году. В ней Валериан Правдухин знакомит читателя с природой самых разных уголков России и увлекательными охотничьими приключениями. Оренбургские степи, Урал, Сибирь, Алтай, Казахстан – где только не приходилось бывать писателю с ружьем и записной книжкой в руках!

ISBN 978-5-4444-8427-2

© Правдухин В. П., 1930

© ВЕЧЕ, 1930

Содержание

Неизлечимый недуг	6
Запахи детства	9
1. Таналык	9
2. Каленовский поселок	15
3. Стрепета	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валериан Павлович Правдухин

Годы, тропы, ружье

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Неизлечимый недуг

Даже любителям охотничьей литературы имя В.П. Правдухина сегодня мало что говорит, а ведь этого автора, без сомнения, можно поставить в один ряд с лучшими русскими охотничьими писателями XX века! Если бы Валериан Павлович написал только одну книгу – ту, которую вы, уважаемый читатель, держите сейчас в руках, можно с уверенностью утверждать, что он занял свое, особое место в отечественной литературе.

Подробности биографии В. Правдухина мало известны. Сведения о нем отрывочны и скупы, хотя имя этого литератора в 30-е годы прошлого века было достаточно хорошо известно.

Валериан Правдухин родился в 1892 году. Поначалу его отец был псаломщиком, потом сдал экзамен и стал дьяконом. Детские годы писателя прошли в Оренбургской губернии. Валериан был младшим ребенком, в семье росло еще двое детей – Николай и Василий. Все члены семьи были охвачены охотничьей страстью, а значит, вся окружающая будущего писателя жизнь воспринималась совершенно по-особому, наполняла его сознание захватывающими звуками и дурманящими запахами, расцвечивала ежедневное бытие яркими красками охотничьих приключений.

Охота – страсть особая. Для настоящего охотника совсем неважно, отправляется он в тайгу, в горы или просто на ближайшее болото. Его ждет встреча с неведомым, а общение с природой обязательно принесет свои открытия, а подчас и необыкновенные встречи. Любая такая поездка превращается в путешествие, запоминающееся на долгие годы.

Позднее В. Правдухин писал: «Эту страсть, неизлечимый сладкий недуг моей жизни, принес в нашу семью отец из Верхотурских лесов, унаследовал ее от пермских промышленников, заразив ею всех своих сыновей, – меня, кажется, больше других». Охота с самого раннего детства занимала воображение мальчишки, а впоследствии стала частью жизни и неиссякаемым источником творчества писателя. Именно благодаря своему увлечению Валериан Правдухин нередко принимал решения, влиявшие на его судьбу. Вот как он сам пишет об этом в очерке «В Алазанской долине»: «Одержимый неумейной страстью к охоте, я часто забывал, зачем я сюда, в Закавказье, послан. Мое звание инструктора сельского хозяйства мне было приятно единственно потому, что в борьбе с мышами-полевыми я все время кружил по зеленой долине реки Алазань, где до сих пор сохранилось много фазанов». В очерке «В Саянах» автор признается: «Я впервые участник научной экспедиции, и мне немного совестно думать, что не помани меня таежная охота, я едва ли выбрался бы в такое трудное путешествие». Впоследствии охота и охотничьи экспедиции стали неотъемлемой частью его жизни.

Правдухин был дружен со многими советскими писателями и общественными деятелями своей эпохи. Сам он выступал как критик и теоретик советской литературы, при его участии в 1922 году начал выходить журнал «Сибирские огни», который в короткое время стал ярким и своеобразным явлением в российской периодике. По мнению современников, статьи Правдухина высоко ценились специалистами и читателями, были талантливы и ярки.

Долгие годы жизнь В. Правдухина была связана с именем яркой и талантливой писательницы Л. Сейфуллиной. Она стала не только женой Валериана, критиком и соавтором творчества Правдухина, но и верным его товарищем в охотничьих скитаниях и путешествиях. Кстати, драма «Виринея», которая шла в свое время на подмостках многих театров страны, а потом была и экранизирована, создана Л. Сейфуллиной совместно с Валерианом Павловичем. Сам он написал немало интересных рассказов и очерков, его перу принадлежит роман «Яик уходит в море», посвященный жизни казачества конца XIX века. Это произведение отличает яркий и колоритный язык, лирические описания природы, отличное знание людских характеров, обычаев и нравов казачества. Да и могло ли быть иначе? Правдухин вырос среди оренбургских степей, прекрасно знал природу и людей этого края. К сожалению, этот неординарный роман,

как и его автор, оказались надолго забытыми. Роковой 1939 год стер из жизни и памяти имена многих одаренных и талантливых людей. Среди них оказался и Правдухин...

В книге «Годы, тропы, ружье» Валериан Павлович с восторгом описывает свои ощущения, наполненные теплотой и любовью ко всему, что окружает автора. Когда читаешь эти откровенные, искрящиеся добрым юмором строки, то чувствуешь, что автор сам испытывает удовольствие, погружаясь в воспоминания. Воистину, читать талантливо написанную книгу об охоте все равно, что самому побывать на ней! Яркий, точный и эмоциональный язык Правдухина, а описания неброской красоты родной земли образны и полны поэтического лиризма: «Степь стала иной. Зелень выцвела, высохли озера, пожухли, побелели на солнце солончаки, по старым загонам поднялась стеной дикая горчица – читар, помахивая лупоглазыми желтыми цветами. Вымахала в полчеловека полынь, закудрявились круглые перекасти-поле. Ковыли цветут до поздней осени, разбрасывая по степи седоватые пряди с зернами. И теперь, как солоноватое море, они мягко переливались белесыми волнами под солнцем, убегая к голубому подолу неба». Так мог написать настоящий литератор, человек, мастерски владеющий словом, очень чутко улавливающий его звучание, а главное – знающий и любящий то, о чем он пишет. Любители природы получают истинное наслаждение от этой книги, а поклонники охоты найдут на ее страницах немало ценного и нового для себя – Правдухин был настоящим охотником, а истинным мастерам нет нужды скрывать от окружающих свои секреты.

В эту книгу вошло несколько произведений автора, но особо хотелось бы остановиться на очерке «По Уралу на лодке». Это путешествие состоялось в августе 1929 года, компания из семи человек спускалась на двух лодках по реке Урал – по излюбленным с детства местам Правдухина. Поездка была очень интересной сама по себе и, прежде всего, составом участников экспедиции. Вместе с Валерианом Павловичем в путешествие отправились: его жена Л. Сейфуллина, старшие братья – Василий и Николай, старинные знакомые П. Бобрыкин и В. Калинин, а также писатель Алексей Толстой. Компания подобралась сплошь «больная неизлечимым недугом». По реке двигались неторопливо, останавливаясь на ночлег в приглянувшихся местах. Рыбачили и конечно же охотились. Любопытно, что практически все участники этой поездки оставили о ней литературные воспоминания, в которых каждый по-своему излагали события памятного путешествия. Очерк врача-психиатра Николая Правдухина – брата писателя – публиковался в газетах «Приуралье» (Уральск) и «Комсомольское племя» (Оренбург). Воспоминания другого брата, Василия, были напечатаны в журнале «Боец-охотник» Всесоюзного охотничьего общества в 1934 году. Лидия Сейфуллина свои впечатления от поездки опубликовала в сборнике «Гибель», вышедшем в свет в 1930 году, а Алексей Толстой включил воспоминания об этом охотничьем путешествии в состав книги «Необычные приключения на волжском пароходе», изданной в 1931 году. Но как не отметить, что самые жизнерадостные воспоминания, наполненные восхищением от окружающей природы, восторгом от процесса общения с ней, принадлежат перу Валериана Правдухина!

Довольно часто специалисты в области литературы делят ее на конкретные жанры и направления: детективная, мемуарная, романтическая, историческая, охотничья и прочая и прочая. Наверное, это так. И все же для читателя существуют только два вида литературы, независимо от жанра: плохая и хорошая. Настоящую книгу, прочитав, в сторону не откладывают, а возвращаются к ней снова и снова. Вот именно такой книгой и является сборник Валериана Правдухина «Годы, тропы, ружье». В свое время Глеб Максимилианович Кржижановский так писал о нем: «Знаете, какая чудесная книга попалась мне с несколько странным названием: “Годы, тропы, ружье”, – я прямо не мог оторваться! Не часто встречаются такие художественные искренние произведения». И Кржижановский не одинок – каждый, кому довелось прочесть эту книгу, отзываясь о ней как об «истинном подарке судьбы».

Радостно, что «Годы, тропы, ружье» возвращается к читателю. Переиздание уникальной сегодня книги Валериана Правдухина является исполнением долга нашего поколения перед памятью этого неординарного и талантливого человека, писателя, охотника.

Олег Малов,
заведующий редакцией «Охотничьи издания» Издательского дома «Московский Комсомолец»

Запахи детства

Памяти отца

1. Таналык

Старший мой брат убежден, что он помнит себя восьми месяцев, и очень сердится, видя недоверчивые улыбки. Я не посетую, если кто и усомнится в подлинности моих воспоминаний. Одно для меня бесспорно; охотой я начал жить с самых малых лет. С тех пор эта горячая волна страсти заполняет мое существо, непрерывно живо бьется во мне.

Прошлым летом мне довелось побывать в поселке, где прошло раннее мое детство. В первый же день я кинулся осматривать заветные уголки, места мальчишеских игр, памятные по различным – большим и малым – детским событиям. Какое странное волнение охватило меня, когда в старом, полуразвалившемся доме я нашел на стене засечки, отмечавшие мой рост. Много ли сохранилось во мне от того пятилетнего чумазого карапуза, каким я тогда был? Моя память уберегла о нем самые смутные воспоминания. И кажется, что все его горячие, детские страстные и бурные чувства уже навсегда утеряны мною. Так ли это? Нет! Что-то, несомненно, осталось во мне от той поры: узкий коридорчик с засечками вдруг ожил, стал снова своим, родным, уютным. Помню ночь. Синее небо, прильнувшее вплотную к небольшому окошечку. На крошечном столике мигает маленькая керосиновая лампочка. За дощатыми стенами радостное ржание наших лошадей – они для детей тоже члены семейства – Бурого и Карего. Приехали отец и братья из степи. Слышу: по ступеням скрипучей лесенки шагает огромный человек – мой отец. Его еще не видно, но уже остро запахло пылью, травой, солнцем. Вот он входит из сумрака в небольшой круг света, – передо мной его живое, улыбающееся лицо, пыльные, кудлатые, темные волосы.

– Валька, лови!..

На мои руки падают два мертвых стрепета. Дикие птицы! Меня до боли волнуют их светло-коричневые перья, чешуйчатые ноги, стройная шея, бледно-розовый носик. Дикие птицы! Пахнет от них степной волей, неведомой широкой жизнью. Я не испытал ее, но разве кровь моя не кричит о ее радостях? Все мое существо томит неумемная тоска по степным просторам, по бродяжничеству, тоска, не покидающая меня и по сей день.

Эту страсть, неизлечимый сладкий недуг моей жизни, принес в нашу семью отец из Верхотурских лесов, унаследовал ее от пермских промышленников, заразив ею всех своих сыновей, – меня, кажется, больше других. Когда я родился, отец был псаломщиком и имел ружье. Но вскоре он, самоучка, сдал экзамен на дьякона, затем на священника и тем самым лишил себя права «проливать кровь» – охотничать. Но до последнего дня своей жизни он участвовал в наших скитаниях по степям и лесам.

Мои первые воспоминания об охоте относятся к тому времени, когда отец служил в станице Таналыцкой Орского уезда Оренбургской губернии. Мне было тогда меньше пяти лет.

Меня редко брали в поле, особенно когда ехали с ночевкой. Но я был необычайно упрям и настойчив. Братья и отец вынуждены были прибегать к самым разнообразным уловкам, чтобы освободиться от меня. Им никак не удавалось потихоньку улизнуть, хотя бы они выезжали самым ранним утром. С вечера я так настораживался, что вскакивал при малейшем шуме. Братья проделывали со мной злую шутку. Они привязывали позади тарантаса мою детскую тележку, я садился в нее, весь во власти надежд и сомнений. Когда мы цугом выезжали за ворота, они, отвязав мою тележку, бросали меня посреди дороги. Я падал на землю, царапал ее, ломая ногти, рвал на себе волосы, валялся в пыли и ревел таким истошным голосом, что вокруг

меня собиралась толпа сердобольных казачек. Мать уносила меня на руках в дом. Ничто не могло утешить меня в эти минуты. Я бил мать ногами, царапал ей лицо и руки и выл целыми часами, пока не засыпал, обессиленный вконец. Во мне вспыхивала ненависть ко всему окружающему, к отцу, братьям. Я мечтал о мести, самой беспощадной и непритворной. Однажды я убежал от матери и зарылся в сарае в стог сена. Я пробыл там целый день. Меня искали по всему селу, а когда вечером отец вернулся домой, он бросился с бреднем на речку. Я лежал под сеном и упивался мекстью. С неизъяснимым злобным наслаждением слушал озабоченные крики отца и горестные вздохи матери. Вылез из стога лишь тогда, когда услышал заявление отца, что, если Валька найдется, он всегда станет брать его в поле. Я принял это как капитуляцию и, сумрачный, но внутренне гордый, с расцарапанной рожей вылез из своего убежища. Мир был восстановлен, и с этих пор я стал равноправным участником всех поездок. Упорством и страстью я победил все препятствия.

Неизгладимо глубоко врезалась в мою память картина первой охоты на зайцев. Мы сидим с отцом на обрывистом берегу пересохшего старого русла реки, сплошь засыпанного белой и желтой галькой. Впереди за оврагом нескончаемой полосой зеленеют талы – невысокий луговой кустарник. Братья и Мишка-хохол ушли туда с собаками. Отец, взволнованный и молчаливый, уселся меж кустов редкого тальничка. Я не дышу, кровь громко стучит в висках, нервы напряжены до последней степени. Вокруг тишина, побеждающая солнце и утренние шумы полей. Она висит над нами тысячепудовой тяжестью. Но вот издали прорвался гогот-лай нашей пестрой собаки Летки, полугончего выроodka. Я жадно пожираю глазами, слухом все окружающее. Отец смотрит перед собой, положив ружье со взведенными курками на колени. И вдруг я вижу, как из лесочка мимо нас трусит, подскакивая на длинных задних ногах, серый большой заяц.

– Заяц! Папа! Смотри! – заревел я от обуявшего меня радостного восторга.

– С ума сошел! Молчи! – цыкнул на меня отец. Я в испуге прижался к земле. Я затаился, как еж, увидавший перед собою пасть хищника. Мимо нас бежал второй заяц. Я молчал. Отец поднял ружье к плечу. Все остановилось во мне... Я ждал. Выстрела не последовало. Шум и крики по лесочку приближались. Я засмотрелся на зайца, усевшегося меж кустов, как вдруг неожиданно грохнул выстрел. Я до сих пор не могу равнодушно слышать ружейный говор, но едва ли теперешнее мое волнение может хотя бы в малейшей степени походить на пережитое в ту минуту... Мне кажется, что и сейчас еще я ощущаю этот пороховой, горьковато-удушливый запах от первого выстрела.

– Тащи скорее! – сказал мне отец горячим шепотом.

Я рванулся вперед к бьющемуся вблизи в смертельных судорогах серому, осенней окраски, зайцу.

После двух неудачных выстрелов, разгорячивших нас с отцом до последней степени, я увидел, как большой заяц, перевернувшись несколько раз через голову, растянулся на песке. Я бросился вперед и, споткнувшись о кочку, упал, больно ударившись коленом о гальку. На ссадины я не обратил внимания, – я боялся потерять из виду добычу. Я приволок зайца и ожидал увидеть на лице отца насмешливую улыбку, но он, не взглянув на меня, по-прежнему смотрел вперед взволнованно и напряженно. Ему было не до меня.

Убили мы в ту охоту, это я хорошо помню, трех зайцев. Четвертого принесли из леса братья, его затравили собаки. Дома я не давал никому рассказывать об охоте, перебивал всех, захлебываясь от восторга, чувствуя себя героем, приобщенным к охотничьему ордену.

Осенью отец уезжал с казаками далеко в степь охотиться на гусей. Братья в это время были уже в городе. Я не решался проситься на гусиную охоту, зная, что отец отправляется на целую неделю. Возвращался он обычно ночью. Как горько бывал я разобижен, если меня не будили встречать отца! Иногда я не спал целые ночи, ожидая его приезда. Я не хотел выпускать из рук привезенных им тяжелых серых птиц, и если меня гнали в постель, то я спал в обнимку

с ними, спрятав их к себе под одеяло. Мне теперь кажется, что я сам участвовал в этих охотах на степных гусиных озерах: так ясно помню все мельчайшие подробности рассказов отца. Я вижу и сейчас широкие холодные зори, когда гуси вереницами возвращались с полей на воды, где их сторожили охотники. Я знал, в какое место была ранена каждая птица, как она упала, как долго искали ее охотники в прибрежных камышах, знал, кто больше других убил на этот раз. Утром я побывал у всех компаньонов отца, разглядывал добычу. С каким восхищением взирал я на старика Семена Дуракова, лучшего, по словам отца, охотника в станице...

Чаще всего мы раскидывали свой стан возле Урала или Таналычки, степной речки, впадавшей в Урал рядом со станицей. Любимым нашим местом был «Горный бикет», каменный обрыв, высоко вздыбившийся над речонкой. Эти скалы в моих глазах рисуются таинственными и величавыми, хотя я бывал после того и в Закавказье, Саянах и на Алтае. И когда я подростком зачитывался Жюлем Верном, Фенимором Купером, то, конечно, и «Таинственный остров», и все места приключений «Последнего из могикан» представлялись мне похожими именно на «Горный бикет».

Ясное солнечное утро. Сидим с удочками на горячем песке у берега. И вдруг брат кричит: – Смотрите, заяц, заяц!

По вершинам скал на той стороне Таналычки несется бешеным карьером заяц. За ним по воздуху гонится черный огромный беркут. Заяц метнулся к воде – на линию каменного обрыва. Беркут, поджав крылья, падает на него.

– Погиб!

И вдруг серый зверюга турманом валится со скалы прямо в воду. На секунды исчезает в волнах реки, выныривает и плывет на наш берег. Отец в это время осматривал перемены под скалой, плавая в лодке. Он легко нагнал зайца и, вытащив его за уши, привез на берег. В один голос было решено за отчаянный прыжок отпустить его на волю. Несем его подальше от стана, с глаз собак. Несколько секунд заяц сидит на земле неподвижно, легонько перебирая ушами, и потом стремглав бросается наутек. Но не вперед, а к нам под ноги и в кусты. Это был, по-видимому, умный и опытный зверок, выдавший многое в жизни. Криками радости проводили мы его, долго вспоминая этот случай.

Мы возвращались вечером домой с Таналычки. Над полями густели вечерние сумерки. В стороне у дороги блеснуло озеро. Отец шепчет:

– Остановите лошадей. Выпь на берегу.

Выстрел. Дым, густо повисший над сырой травой. Я бегу с братом к озеру, а с берега на нас бросается грязное, серое чудище, лохматое, страшное, как черт. Отец, подтрунивая над нашим испугом, снимает с себя полукафтаны и, набросив его на птицу, заталкивает раненную в крыло выпь в передок тарантаса. Она пронзительно вопит и машет крыльями. Бьет носом сквозь одежду. Въезжаем во двор. Нас встречает сосед наш, простоватый Мишка. Отец кричит ему серьезным, деловым тоном:

– Михайло, гуся убили! Смотри, он под козлами, еще живой, не упусти!

Мишка вытаскивает притихшую в темноте, запрятавшую голову на длинной шее выпь. Гладит ее по спине, ласково пришептывая:

– Гусенька, гусенька...

И вдруг дикий рев и хохот. Выпь долбанула клювом Мишку по носу. С тех пор мы, ребята, не давали Михаилу прохода, всякий раз дразня его:

– Гусенька, гусенька...

Выпь прожила у нас все лето, ходила ежедневно на затон вместе с домашними утками, возвращалась во двор кормиться и ночевать. Женщины и дети ее боялись, как цепной собаки. Она не выносила красного цвета, бросалась на казачек, если на них были красные юбки, фартук. Рвала в клочья брошенные ей пунцовые тряпки. Осенью она исчезла, не вернувшись как-то с затона. Никто не видел, куда она делась.

В Таналыке мы завели себе первую охотничью собаку. Трехнедельным щенком привез ее отец в день моих именин из города Орска. И мне кажется (вероятно, обманчиво), что я вижу этого черного курбастого, длинноухого малыша над блюдцем с молоком. Нарекли мы его Верным. Это был чистокровный гордон, суровый, талантливый пес. Мы так полюбили его, что едва не обкормили конфетами. Мишка-хохол часто просил его у нас на охоту, но Верный один не хотел идти с чужими в поле. Его водил старший мой брат. Верный скоро стал делать стойки, мастерски ловил молодых утят. Мишка, плохой стрелок, благодаря Верному возвращался с охоты обвешанный дичью, уверяя, что он набил ее из ружья. Никто, конечно, ему не верил, а брат выдавал его. Часто братья без ружья бегали с собакой на озера и приносили живых утят...

Как-то зимой отец повез меня и брата в соседнее село на елку. Дорогой разыгрался свирепый буран. Мы не знали, что за нами увязался Верный. Отец прикрыл нас, малышей, кошмой. Въезжаем во двор. Брат выскакивает из саней и спохватывается, что на нем нет шапки. Ищем в санях, и вдруг отец кричит:

– Да вот она, у Верного.

Собака, бежавшая сзади, нашла ее на дороге и, несмотря на вьюгу, несла ее, может быть, несколько километров в зубах. Нам это тогда показалось чуть ли не чудом.

Был еще такой случай. Тащились мы в гору летом на двух телегах. Задний возок, где прятался Михаил, поотстал. Вздвигаемся на взлобок горы и слышим позади далекий глухой лай Верного. В чем дело? Собака где-то за увалом, ее не видно. Бежим туда. Верный стоит над шубой, упавшей с задней телеги, и лает. Принести ее он не смог и взвыл от отчаяния. Нужно ли говорить, как мы любили его. Мировой судья давал отцу за него пятьдесят рублей – громадные деньги по отцовскому достатку и по тому времени, – отец шутя сказал, что он продаст собаку, – и как же мы заревели все!..

Когда мне исполнилось пять лет, отца перевели из Таналыка в село Петровское Оренбургского уезда. Прожили мы здесь недолго. Отец был уже дьяконом и ходил в рясе. Охотиться он не мог. Но иногда не выдерживал и стрелял, если с нами не было никого из чужих. Ружье было всегда с нами. Мы теперь ездили чаще на рыбалку. И обыкновенно под Ильинкину гору, казавшуюся мне тогда Эльбрусом. Под горой бежала веселая камышовая речонка, полная окуней и крупных щук. Как мне тогда хотелось взобраться на вершину горы! Но долго никто не хотел идти со мной, отец подзадоривал меня сходить одного, пугая дикими зверями. Наконец девятилетний брат Вася согласился пойти со мной. С нами побегал и Верный. Подъем был для нас, малышей, нелегким и отнял у нас часа два. Впервые я увидел мир с такой высоты, и он мне показался красивым, но страшным – слишком большим для маленького человека. Луга, озера, извивы рек, леса, два-три поселка, соседние горы – все это открылось мне, как на странице книги. Поля бежали вдаль нескончаемыми полосами. Помню, солнце уже уходило за холмы, – и мне вдруг стало больно от своей мизерности... Словно оторвали меня от родной пуповины и поставили один на один с миром. Выгнали из закутка и показали землю... Отец и братья выглядели как козявки, до них было так далеко. Какая же большая земля и как много на ней дорог, неведомых и таинственных! На вершине горы зияли каменные ущелья, высились обнаженные скалы... Верный рыскал меж камней без боязни. Я, напуганный рассказами, опасался змей и зверей. Мы стояли с братом на самой высокой точке горы, собираясь спускаться вниз, как вдруг услышали лай нашей собаки. Испуганно смотрим друг на друга. Кто там? Может, в самом деле медведь? Не бежать ли нам вниз? Но разве можно оставить на произвол судьбы нашего друга? Набрав полные руки камней, взволнованно и бесстрашно мы карабкаемся по уступам. Глядим: Верный в бешенстве кидается с лаем, а перед ним, стоя на задних лапках, сурок, толстый, желтый зверок величиной с кошку, отчаянно вереща и взвизгивая, машет лапками, отбиваясь от собаки. Верный, увидав нас, с еще большим остервенением бросился на сурка, но тот не давался собаке, ловко огрызаясь на нее. Мы начали осыпать зверка камнями.

Недолго продолжался неравный бой. Здесь я воочию увидел смерть живого существа и был потрясен ее неприкрытым безобразием.

При гибели птиц и даже зайцев я не ощущал ничего похожего. Этот толстый, неуклюжий байбак напомнил мне ребенка. Он визжал, свистел, стоя на задних лапах, как маленький человек, и жутко было видеть его мертвый оскал окровавленных зубов, чем-то напоминавших человека. Я не сказал брату о своих чувствах, – охотничий азарт скоро заглушил во мне эти ощущения. К стану мы подошли уже торжествуя и гордясь своим подвигом...

Вспоминаю ясно впечатления от первой стойки Верного на моих глазах. Ехали мы летом за клубникой к знакомому башкирину Довледьяру. Дорога шла живописной долиной меж гор. Из травы доносилось веселое бульканье перепелов. Верный, отбежавший в сторону, остановился возле желтого чилижника и, вытянувшись в струну, потянул прямой линией в кусты. Перед кустом замер на мертвой стойке. Я дрожал, сидя в тарантасе. Братья стали умолять отца взять ружье и подойти к собаке. Отец остановил лошадь, любуясь картиной. Но выйти не захотел, отговариваясь тем, что шомполка не заряжена, да и стоит ли тратить заряды на такую мелкую дичь, как перепелка. Минуту спустя он крикнул Верному «пиль!», и из-под носа собаки с шумом вылетел тетерев, черный, блеснувший сизью на солнце, матерой самец. Он полетел к горам. Мы ахнули, следя за его ровным, прямым полетом. Я содрогался от внутренней тоски по улетавшей птице. Отец и сам теперь уже жалел, что он не подошел к Верному с ружьем.

В этот же день старший брат и Довледьяр, вернувшийся недавно с военной службы, ходили в лес за тетеревами. Вечером они принесли штук пять молодых тетеревов, убитых Довледьяром из-под стоек Верного. Брат с оживлением рассказывал нам без конца, как метко стрелял Довледьяр, как горячился он, сердясь на собаку, не хотевшую сходить со стойки над птицей. «Бери, хватай, черт!» – кричал он ей, а собака, опьяненная запахом дичи, не трогалась с места. Довледьяр подталкивал ее коленом, держа ружье наизготовку.

Из Петровского отец скоро должен был переехать в поселок Каленовский Уральской области. Собирались мы туда с неохотой, напуганные рассказами об уральских казаках, закоренелых кержаках-староверах, живущих в степной глухомани.

В дороге казахи на наши расспросы о Каленом называли его «Жяман Кала» – «плохой поселок».

Выехали мы из Петровского в начале марта. Ехать пришлось больше пятисот километров, и все на лошадях. Пахло весной. По полям лежал отяжелевший серо-седой снег, смотревший грузно и печально, как старик, больной водянкою. Деревья стряхивали с себя белое одеяние. Верный бежал с нами. Он не хотел ехать на возу и всякий раз немедленно выскакивал на волю. Не знаю, что с ним приключилось, то ли искушали его деревенские собаки, то ли заболел он от переутомления, но на одной из остановок он долго не мог подняться с лежки и пойти за саними. Отец попытался втащить его на возок. Он огрызнулся, зло осерив зубы, но тут же покорно сжался и завыл тихо и горько, трясаясь мелким ознобом. Он не укусил отца, но видно было, что он сам испугался того, что с ним происходит. В глазах его блеснула лихорадочная тоска. Его томило предчувствие своего конца и боязнь, что он может искушать своих близких. Из рта его показалась слюна. Это было необычайно.

– Не троньте его, кажется, он сбесился, – сказал отец с горестной заботой.

Собака тянулась за нами с полкилометра, останавливаясь в раздумье. Тогда мы ее поджидали. В поле она свернула с дороги и направилась в лес. Мы стали ее звать за собой, надрываясь от крика. Она повертывала к нам голову, угрюмо смотрела в нашу сторону, словно что-то припоминая, но затем снова трусила к лесу... Мелькнула в кустах последний раз, приостановилась на секунду, уже не глядя на нас, и скрылась навсегда. Жилые, черные березы, талый снежок, бледное зимнее небо – все это навсегда осталось со мной от того момента. Больше часа стояли мы на этом памятном нам месте. Кричали хором: «Верный, Верный!» Все было

напрасно. Я ревел, хватая отца за руки, когда он хотел ехать дальше. Плакал брат. Мать отвернулась в сторону и молчала.

– Ждать нечего, – сказал сурово отец. – Верный сбесился и побежал в лес искать целебную траву. Вылечится, он найдет нас по следу... В ближайшем селе мы заночуем.

Вечером я допоздна стоял у ворот, поглядывая на дорогу. Верный не появился. Не пришел он и утром. Пришлось ехать дальше. Долго все ехали молча, угрюмо поглядывая по сторонам. Наконец отец проговорил:

– Под снегом трудно ему сыскать траву. Если бы это было летом!

Мать припомнила теперь, как он жалобно и страшно выл перед отъездом из Петровского.

– Да, собака лучше людей чует несчастье, – сказал отец, громко сморкаясь в платок. Потом потрянул головой, как бы отгоняя мух, и погнал лошадей...

2. Каленовский поселок

Судьба закинула меня в Уральский край семилетним мальчишкой. В Каленом мы прожили всего четыре года. Но этот отрезок моей жизни и до сих пор мне кажется самым большим, самым значительным. Воспоминания о Каленом наполняют меня до краев и теперь. Они, как живая вода подпочвенного родника, постоянно выплескивают на поверхность.

Ехали мы от Уральска до поселка по воде на санях. Был в тот год необычайный разлив. Луга и степи затопило на десятки километров. Утрами по поднебесью легким кавалерийским строем летела веселая казара, тяжеловатые гуси, шелковисто-белые лебеди с гоготаньем, напоминавшим игру пастуха на свирели. В оврагах бушевала мутная коловертъ. Будто сало в кипятке, плясали по воде обмякшие льдины, комья снегу. Как-то мы запоздали, и в темноте наша тяжелая кошева застряла в овраге. Отец с братом на легких санках с трудом, но все же выкарабкались на берег, а мы с матерью крепко засели в мокром снегу. Карий, добрая, рослая лошадь, рвался и дыбился в оглоблях, звонко, отчаянно ржал, но вывезти саней не мог. Отец разделся и, по пояс в снежной воде, подпряг Бурого в пару. Но кошеву засосало крепко, и она охала, стонала, но с места не стронулась... Шла ночь. Отец ускакал с братом в ближайший поселок. Жутко было сидеть в воде среди теми неведомых полей! Мать неслышно молилась. Карий отчаянно ржал, перебирая ногами от холода. Отец потом сетовал, что оставил его в овраге: лошадь стала после этого припадать на ноги. «Но как-то страшно было, – говорил отец, – вас бросить одних, да и некогда и трудно было распрягать в воде». Я испуганно озирался по сторонам, и не знаю, то ли мне примерещилось, то ли в самом деле пробежал волк, но только я ясно увидел, как по высокому берегу тихо идет, поглядывая на нас, черная собака.

– Мама, мама, смотри, Верный! – заревел я.

Мать успокаивала меня, прислушиваясь к шорохам ночи.

Кто же по такой распутице, ночью поедет спасать нас? Кому мы нужны? Я уже знал, как неповоротлив мужик на чужую беду и как он не любит сползать по ночам с теплой печи. Но мы были среди казаков. Отцу не дали выговорить и трех слов, – десяток верховых, выросших из земли, не дожидаясь отца, помчались «спасать людей», засевших в «жяман чункуре» – «злой яме». Прошло не больше часа, показавшегося мне томительной и страшной вечностью, как из густых сумерек донесся до нас свист, зычные крики и широкий человеческий гогот. С шутками, с хохотом, смехом, прямо в сапогах и холщовых шароварах, казаки моментально выволокли нашу кошеву из снежной трясины.

– Матушка, ставь четвертную своим крестным отцам!..

– Вишь, каки купели у нас в степи!..

– Жяман чункур не даром зовется, мотри – кака крутоярь...

– По воде на бударке¹ надо ехать, а вы вон каку страхолюду впрягли!

– Скачем таперь в Каленый: станишники угощенье нам выставят – попа ихнего уберегли.

– Что, музлан, не по нутру вода тебе? – хохотал раскатисто седой казак, таща меня на берег.

Но у меня уже пропал всякий страх, – подлинная человеческая теплота исходила от его колышущейся груди и орущей глотки, корявые руки с лаской крепко охватывали меня.

В поселке всю ночь длилась гульба: отец выставил спасителям две четверти водки. Сам он тоже не смог уснуть: впервые за сорок лет у него в эту ночь заныли остро зубы.

Навсегда остались в моей памяти серо-желтой глиной вымазанные ряды саманных изб с плоскими крышами, прямые широкие улицы, люди высокого роста с размашистым шагом, с резким, гортанным, но по-московски ласковым говором и веселой улыбкой язвительного доб-

¹ Бударка – легкая лодка.

родушия. Женщины скромно-величавого стана, простой русской красоты, с волосниками или чаще шелковыми узорными платками на голове, молчаливой улыбкой провожавшие проезжих. Шустрые казачата, чуть не с пеленок скачущие на конях, увертливые, лихие волчата степных просторов. Уральский казак для меня особый тип не только по своему общественному и хозяйственному укладу, – он для меня первый живой человек жизни: с ним я рос, он учил меня видеть и любить природу, от него я заразился страстью к игре и борьбе, иронически-веселому отношению к невзгодам, у него я перенимал первые навыки жизни.

В Каленый мы приехали в те дни, когда по Уралу от Каспия шла вобла. На другой же день, рано утром, я вместе с десятилетним братом отправился смотреть, как казаки ловят рыбу. Ловля происходила в устье маленькой речушки Ерика, впадающей в двух километрах от поселка в Урал. Вобла шла от моря большими партиями, сплошными косяками. Она массами набивалась во все затоны и заливы Урала. В устье Ерика кишела, как в кипящем котле. Рыбаки загородили Ерик со стороны Урала неводами и прямо с лодок сачками грузили воблу на воза, стоявшие большой очередью вдоль берега. Телеги, доверху нагруженные рыбой, непрерывной цепью ползли по дороге к поселку. Казаки, мокрые от воды и пота, уставшие от бешеной работы, были взбудораженно веселы. Дикое одушевление овладело ими от удачи. Гогот, зычный смех, крики наполняли воздух. После залова все по команде бросались на четвереньки, потрясая бородами над водой. Старый седой казак рычал:

– Брыт, орнем!

– Орнем, брат! – дружным гулом отозвался берег. Раздавался дикий крик, прыгающий веселый хохот, звучными волнами разносившийся по реке. Языческий восторг! Подобных картин я никогда не видел в унылом крестьянском труде.

Здесь же меж казаков суетливо сновал черный как жук, со скуластым калмыцким лицом, весь заросший волосами, поджарый, худущий дьякон Хрулев. Если бы не длинные космы, его бы не отличить от казаков: он был без рясы, в белых шароварах. Узнав, что мы дети нового попа – так всегда зовут казаки священника, – он немедленно затащил нас в будару, дал нам в руки сачки, заставляя ловить воблу. Казаки дико ржали, видя наше неумение владеть этой простой снастью.

– Ах вы, музланы, язвай вас не убьет!

– Это тебе не взвар хлебать на поминках!

– Обучи, обучи их, пострели их в варку-то...² Хо-хо-хо!..

Но эти крики не казались нам обидными: казаки, видно было, не кичились, не чванились, а в самом деле хотели нас научить рыбачить. Это им казалось простым, как умение донести ложку до рта. Ни капли злобы не было в их брани. Дьякон нагрузил с помощью казачат доверху наш большой мешок, взвалил его на спину брату – я поддерживал его сзади – и приказал тащить в поселок. Сейчас мне это кажется чудом, но мы к вечеру все-таки приволокли домой эту рыбу, представлявшуюся нам тогда сказочным богатством.

Уральские казаки круглый год занимаются рыболовством. Это веками выработало из них настоящих детей природы. Они здоровы, как звери, как звери – веселы, добры, просто и радостно гостеприимны, гордо ревнивы к своему, но не жадны и не скаредны. Отец быстро сдружился с ними, так как всегда страстно любил рыбалку. Из уважения к их обычаям он даже бросил курить, увидя их исконную ненависть к «табашному зелью».

Охота тоже в чести у казаков. Вокруг поселка была масса дичи. Достаточно было с километр отойти по Ерику, чтобы настреляться вдосталь по уткам, куликам и куропаткам. В первый же год отец купил в Уральске за три с полтиной старую, тяжелую шомполку. Но сам отец уже совсем перестал стрелять в это время. А братья приезжали в поселок всего лишь на два летних месяца. Я долго пробавлялся луком и самострелами, гоняясь за воробьями и нахаль-

² Варка – голова.

ными воронами. Позднее я завел себе рогатку, сделанную из круглой или треугольной толстой резины. Стрелять я из нее научился мастерски. Воробьи были моей обычной добычей. Перепадало от меня и воронам, массами жившим в поселке, несусветным воровкам куриных яиц из гнезд. Отец всячески поддерживал во мне охотничьи наклонности, живо интересуясь моими успехами в стрельбе даже из рогатки. Как-то мать привезла из Уральска эмалированный горшок и, вымыв его, повесила сушиться на колышек под солнцем. Мы стояли с отцом на дворе, и я пускал камешки из рогатки в воробьев.

– А вот в горшок тебе не попасть ни за что, – заметил с добродушным пренебрежением отец.

– Это мне-то! Хы! – презрительно отозвался я.

– А ну, попади! Спорю на двугривенный, из десяти камешков не попадешь половины.

Пари заключено. Я со смаком вlepил восемь галек в самую середину зеленого горшка: восемь белых звезд засияло на его боку. Мать ахнула и долго бранила нас; отец со смехом оправдывался:

– Кто же его знал, что ему так повезет. Обычно он и в корову не попадает.

В другой раз наше охотничье озорство кончилось более печально. Была у матери белая статная курица, красотой ее мать очень гордилась перед казачками. Курица копошилась в навозе на заднем дворе, а мы с отцом стояли шагах в пятидесяти от нее. Я, признаться, на этот раз опасался проиграть пари, но тут мне действительно «повезло». Камень попал прямо в голову курице. Она моментально свернулась. Мы струхнули и сами. Я пытался оживить ее нашим мальчишеским способом, дуя изо всех сил ей под хвост и пришептывая:

У курицы заживи —
У сороки заболи!

Увы, моя медицина на этот раз оказалась бессильной! Мать долго не могла забыть этой злой проделки, вспоминая свою любимицу.

С рогаткой я часто хаживал на охоту вдоль Ерика. Веснами там все берега бывали покрыты дичью. Помню, как-то мне удалось вплотную подобраться к кроншнепам. Задышавшись от волнения, я ловко вlepил одному галькой по боку. Он секунд пять бился крыльями по земле, но я не успел схватить его, и моя дичь улетела. Чаще всего я покушался на песочников. И раза два мне удалось убить крошечных куличков. Я приходил домой, как с настоящей дичью. Отец добродушно подтрунивал над моими успехами, обещая мне «лет через десять» настоящее ружье.

Но я не хотел ждать так долго, я исходил завистью к моим старшим братьям, когда они летом ходили с ружьем на охоту. Правда, теперь почти всегда я таскался с ними «за собаку», как смеялись надо мной, но это меня мало смущало. Убивали мы птиц довольно редко, но здесь была не только наша вина. Шомполка наша, вместо того чтобы стрелять, обычно давала осечку. Подползем, бывало, к стае спящих уток или дремлющих на песке куликов, приладим ружье на кочку, пенек и ждем, когда утки сплывутся вместе. Если они продолжают спать, свистнешь легонечко, – они заворочаются, поднимут настороженно головы и стягиваются в кучу. Брат прицеливается по «варкам», и – чик! – осечка. Подсыпаем порошу на полку. Тогда ружье предательски «двоит»: пыхнет пистон, зашипит порох во втулке, а через секунду уже грохнет выстрел. Старый казак, знаменитый сайгашник, Карп Маркович, имевший такую же коварную флинтку, когда у него так же двоило ружье, вел стволами за утками и, случалось, убивал по несколько штук на выстрел. Но у него был многолетний опыт.

То же самое происходило у нас на охоте по серым куропаткам. Особенно зимой, когда порох в ружье отсыревал. Куропатки жили в холода огромными стаями на гумнах поселка. На ночь они сбивались по закуткам, меж скирдами сена. Иногда, подобравшись вплотную к

дремлющей стайке, несколько раз «чикнешь» по ним, потом бежишь домой, перезарядишь ружье и снова возвращаешься на старое место. За все время, помню, нам удалось убить не больше десятка куропаток, хотя их там водилось тысячи, как в питомнике. Но зато сколько самой неподдельной радости бывало у нас, когда удавалось заполевать хотя бы одну куропатку! Помню такой случай. На Святках мы пошли вверх по Ерику с братом. Выбираемся по пухлому, глубокому снегу на яр. Глядим, на поле, пользуясь теплым днем, пасутся стада куропаток, бесчисленное количество милых серых комочков. Ползем к ним осторожно меж кустов... Начинается неизбежная прелюдия: осечки, шипение плохих пистонов. Наконец орудие наше рывкнуло. Один серый комочек перевернулся на снегу, но тотчас поднялся и, волоча перебитое крыло, побежал. Я уже так запыхался, что почти не мог его преследовать, снег был выше колен. Брат начал гонку. Не легко было поймать куропатку, бег ее необычайно проворен, и брат «чуть не лопнул» – как он сказал тогда, – прежде чем ему удалось схватить ее. В этот день нам повезло, и скоро брат подстрелил вторую курочку. Я, страшно уставший, тащился сзади. Слышу, брат кричит истошным голосом: «Сюда, скорей, скорей!» Ползу по снегу, проваливаясь, лезу вперед, как черепаха. Вижу: брат, сбросив с себя полушубок, странно кружит вокруг толстеного вяза. Я понял, что это его «прогуливает» куропатка. Один он ни за что не поймал бы ее, вдвоем же мы кое-как схватили птичку и понеслись домой. Сколько радости-то! Пара серых куропаток! Это бывало не часто.

Охотились мы зимами очень редко, братья появлялись в поселке всего недели на две на Рождестве. Тогда же мы ездили несколько раз на санках за тетеревами, вылетавшими в ближайшие к поселку леса с Бухарской стороны, где они водились летом. С подъезда тетерева подпускали на выстрел, но все же не ближе семидесяти шагов. Где же такое пространство преодолеть нашему ветхому оружию? И за все время мы привезли только раз серую тетерку, каким-то чудом сбитую братом с осокоря. Но такие выстрелы были поистине для нас всех мировым событием и запоминались на всю жизнь!

В одну из весен отец собрал охотничью компанию, и мы отправились вниз по Ерику на луговые разливы. С нами был поджарый, ловкий дьякон Хрулев, плотник Гурьян, поселковый начальник Бакалкин и его сынишка – Коська, страшный вун и бахвальщик. О своих охотах с отцом он рассказывал мне прямо чудеса:

– Пошли мы это летось с папаней на Бухарскую. Там на озерах уток – тыщи. Выбрались это, значит, мы к берегу по камышам. Уток черным-черно, но папанька ничего не видит. Я ему говорю: «Вот там, папаня, под берегом». Он, значит, прицеливается, я ему ружье поправляю. Бах, бах! – десяток. «Вот еще, говорю, папаня». Он опять: бах, бах! – еще пяток. Так за день больше полсотни наколотили. Ей-богу! Вот те хрест! Лопни мои глаза! Разрази меня заразой в самую утробу!..

Сколько птиц летало тогда веснами, трудно себе представить. Гуси то и дело серой гогощей массой накрывали нашу лодку. Казара длинными косяками резала золотистый воздух, а утки все время то шлепались на воду рядом с лодкой, то с жирным кряканьем вырывались из камышей. Но что это были за охотники, наши компаньоны! Страсти в них было много. Они беспрестанно палили из ружей, но убивали редко. За день погиб от их выстрелов один лишь глупый чирок, да к вечеру на стан прибежал встрепанный, возбужденный дьякон Хрулев, уверяя, что он подранил на Курюковской старице гоголя. Он кричал, выходя из себя, звал остальных охотников добивать подранка. Все бросились к озеру. В сухом камыше нашли и в самом деле гоголя с перебитым крылом. Началась канонада. До двадцати выстрелов, не меньше, было сделано по утке, но она ныряла мастерски всякий раз, когда охотник тянул за спуск. Брань, крики густо висели над озером. Я стрелял в гоголя из рогатки и только от горячности промахнулся, когда он, замучившись нырять, вылез в пяти шагах от меня на берег. Наконец гоголь был загнан в узкий заливчик, и Гурьян доконал его. Отец подтрунивал над охотничьей армией. Бакалкин вспылil и предложил ему самому стрелять на спор по цели.

– Что ж, ставь свои сапоги, – заявил отец, – могу стрелнуть на бутылку.

Сапоги были водружены высоко на кол. Отец сам тщательно зарядил ружье. Восемнадцать дробин сделали из длинных голенищ настоящее решето, вконец испортив сапоги.

Меня возмущала эта несерьезная охота; с тоской поглядывал я на пролетающую мимо дичь. Но было весело, привольно среди неумных широких разливов бродяжничать нам с Коськой, лазить по ветвистым дуплистым вербам толщиной в несколько обхватов, отыскивать гнезда птиц, слушать кряканье встревоженных страстью селезней, дикий гогот гусей, звончатый переклик казары. Мне удалось однажды поймать серую утку, усевшуюся на яйца в дупле старой вербы. Отец долго не хотел верить, что утки строят гнезда в дуплах, но я убедил его, показав ему яйца. Утка по настоянию отца была отпущена на волю, о чем я горевал немало, так как думал ее принести с гнездом домой, чтобы она вывела утят.

Как сейчас, слышу несмолкаемый гомон птиц. Стонут чайки, посвистывают кроншнепы, крякают утки, тонко и жалобно ноют авдотки и пигалицы. Громче всех звенит и жалуется в лесу пустельга, или, как мы называли ее, «пистольга». Ее серые с коричневыми крапинками яйца ворует нахальная ворона. Тогда же весной я услышал мелодичные крики лебедей и никогда уже не мог забыть эти глубокие и нежные звуки. Восьмилетним парнишкой я узнал в Каленом чуть ли не всех птиц, перекочевывавших каждую весну с юга в Уральские степи и луговины. Мне до сих пор странно встречать взрослых людей, часто не знающих ни одной птицы. Я уже тогда считал бы для себя позором не отличить серой утки от кряковой или смешать чернеть с гоголем. По озерам вокруг Каленого нам попадались утки чуть ли не всех пород. Кряковые, чирки, шилохвость, свиязь, широконоска, пеганка, красная утка – все они гнездились в приуральских старицах. Голубые цапли, грязно-охристая выпь, страшно бунчащая по ночам, черные некрасивые хищные бакланы, красивые разноперые хохлатые пеганки, водяные курочки, коростели, ленивые жадные лысухи, нырки – всех их я научился отличать еще тогда по крику и по полету. Кулик-сорока, кроншнеп по-местному, «тюрик», шилоклювка, веретенник, бекас – все это милые друзья моего детства. Многих из них я не умел назвать по-книжному, но всех их повидал не раз на песках Урала. Только вальдшнепа, как это ни странно, я не встречал чуть ли не до двадцати лет. Как-то поздней осенью мой сверстник, казачонок Толька, поймал на задах своего двора долгоносика, но меня в это время не случилось дома, и я долго жалел, что мне не удалось повидать эту птицу, о которой с особым уважением рассказывал отец. Стрепета, дудаки-дрофы, луговые и степные тиркушки, по-местному «чиктукпак», кречетка, пигалица, ржанки – все они кочевали вокруг поселка и пролетали весной и осенью над ним. У нас, малышей, даже существовал особый спорт – умение с первого взгляда отличать птицу по полету, издали, и мы скоро научились различать хищника от рыболова, чайку от мартына, кулика от пигалицы, гусей от казары. Чаще всего можно смешать бакланов и гусей. Стайки их летают одинаковыми треугольниками и похоже машут крыльями. Однажды летом братья на Каленовской старице убили колпика, тут же мы все были поставлены в тупик: да что же это за диковинная птица с таким лопастым носом? Отец разрешил эту проблему и сумел назвать нам ее.

С детства я хорошо узнал зайца-русака и беляка, волка, сурка, суслика, крота, полевых мышей, изящного земляного тушканчика, из хвоста которого мы делали себе ручки для перьев (вставочки). Лиса, корсак, хомяк, ласка, хорек не раз встречались нам на охоте. В детстве я увидал в степях сайгака. А ворон, воробьев, грачей, галок, коршунов, сивоворонок, красивых щуров, или тюриков, гнездящихся по ярам, вонючих удонов («голландских петушков», как звали мы их тогда), сов, синиц, пустельгу, жаворонков, дроздов, не говоря уже о голубях, мы считали домашними птицами. В степи я любил лежать в ковыле, наблюдая вольный лет на головокругоной высоте черных беркутов, высматривающих себе добычу. Как стремительно они падали оттуда на землю, сжав крылья; как завидовал я их умению парить в небе часами, не шевельнув крыльями!

Одно лето у нас росли два лебедя, пойманные нами в степи. Мы ехали на вечерней заре с бахчей. Я лежал на возу с арбузами, крепко прижав к груди серого зайчонка, пойманного нами в степи. Вдруг из степи налетел лебедь и, низко кружась, следуя за нами по дороге, начал жалобно «кронать» (его крик можно передать звуком «крон»). Мы бы не догадались, в чем тут дело, но нас нагнал верховой казак Зарубин и объяснил, что где-то в степи у лебедя гибнут дети. Мой старший брат и Зарубин отправились на поиски лебедят. Мать улетала и возвращалась, указывая им направление. Тогда я не считал странным этот сказочный разговор птицы и человека, но теперь он уже и мне представляется фантастическим и невероятным, выплывшим из далекого туманного прошлого. Через час Зарубин и брат вернулись и принесли трех птенцов, они рассказывали, что мать довела их вплотную до детей. По-видимому, степное озеро, где она их вывела весной, высохло, она их стала переправлять на другое, но у них не хватало для долгого пути сил, и они умирали от жажды. Всю дорогу мы отпаивали лебедей арбузным соком, мать проводила нас чуть ли не до поселка. Один из птенцов в ту же ночь подох, а двое оправались, выросли и все лето плавали на Ерике с домашней птицей. Разжирили они в неволе до уродства, были некрасивы, грязны, жадны. Осенью они однажды не вернулись с речки, – видимо, уплыли куда-нибудь по Ерику. Костя Бакалкин божился и клялся, что видел, как они снялись с воды и улетели вслед за лебединой стаей, тянувшей на юг. Но это была явная неправда: крылья у лебедей были подрезаны, да и без этого никто бы не поверил Косте, зная его болезненное фантазерство и бахвальство.

Рыбалку я всегда любил меньше охоты, но отец, искусный спортсмен-рыбак, вызывавший восхищение даже у казаков, заражал меня своей страстью и к рыбной ловле, особенно веснами и осенью, когда мне не с кем было охотиться. На редкость интересной, захватывающе волнующей была ловля сазанов.

С семи лет я уже таскался с отцом за карпами. С вечера отец обычно объявлял мне и моим сотоварищам:

– Ну, ребята, ройте червей. Плачу наличными за полсотни три копейки!

Мы тащили ему жирных дождевых червей. А чуть минет полночь, он уже поднимает меня с постели, и мы идем с ним, поглядывая на гаснущие звезды на небе, на Урал или в верховье Ерика, к Думбаю, чуть ли не столетнему, сгнившему скирду сена, где было наше любимое место рыбалки. Несем с собой приваду, мешок распаренной пшеницы. По воде пробегают первые зябкие пятна розовой зари; мы сидим настороженно под яром, над тихой котловиной, с удочками в руках. Тут уж нишкни! Тишина полная. Отец осторожно забрасывает приваду. Особенно памятно мне одно утро под Думбаем. Вода еще только что прояснилась после мутного половодья, и мы пришли этой весной впервые. Отец выписал зимой шелковые лесы от Биткова из Москвы. Расселись. Ширкнули, прошепотели еле слышно разбухшие зерна по воде. Отец со вкусом поплевал на жирного червя, насаженного на стальной крючок. Я кинул свою лесу под крутой берег. И сразу же у меня вяло, но неослабно кто-то потянул за крючок. Подсекаю, дергая неумело вверх удилище. Отец цыкает на меня: «Тише ты!» Что-то грузное повисло на удочке. Не могу осилить и вытащить добычи. «Да тащи же ты, салак!» – шепчет отец, видя, что это не сазан. Сазан берет насаду по-особому, опытный рыбак сразу же отличит его осторожный клев и лихую повадку. Здесь же попался кто-то тяжелый и неподвижный. Не сом ли? Я пытаюсь вытащить удочку из воды, пачусь на яр, волоча удилище. Отец, не выдержав, приходит мне на помощь и выволакивает на землю огромную черепаху. Она упирается, подергивая змеевидной головой. Вот гадость! Пришлось обрезать леску и привязать новый крючок, а черепаху забросить в воду.

– Счастье твое воронье, подвезло тебе, – посмеивается отец.

И в это время его удилище внезапно согнулось горбылем. Он привстал и спокойно подсек сазана. Тот выплеснул толстой медно-красной спиной на поверхность, махнул двуперым хвостом, «обмахом», как говорят казаки, – леска взвизгнула и безвольно повисла над водою.

– Эх, перепилил, черт! – буркнул с досадой отец.

Так раз за разом три лески не выдержали страшной силы сазанов. Я стремглав понесся на стан за запасными удочками. Бегу обратно, – отец стоит на яру, взволнованный, встрепанный, раскрасневшийся.

– Последнюю порвал, – говорит он, задыхаясь от волнения.

Садимся опять. Через минуту отец удачно подсекает сазана, вскакивает на ноги и начинает его «мять», водя на лесе вдоль берега. Удилище гнется, леса звенит, как струна, сазан бешено вскидывается над водою, стремясь пересечь спинной своей пилой шелковый поводок. Но все слабее и слабее его взмахи, медлительнее рывки, короче скачки над водою. Отец осторожно поднимает на воздух его лобастую крутую голову. Сазан судорожно захлебывается, неслышно чмокая круглым ртом, и, осовелый, разом всплывает на поверхность, поводя оранжевыми плавниками. Тихо отец ведет его к берегу и мягко выбрасывает на яр.

– Ишь ты, бугай какой! – с восхищенным успокоением шепчет отец, поднимая тяжелого золотистого красавца на воздух.

Солнце уже поднялось над степью, заверещали мягко и страстно жаворонки, вода зарябилась под ветерком. Наконец и у меня «повело». Легонько, но твердо подсекаю удочкой против хода рыбы. «Есть!» Леса застонала, молниеносно перебросилась в другую сторону, забунчав тонко по воде. Какая жуткая тяжесть и сила! В глазах у меня запрыгали оранжевые круги от испуга и волнения.

– Папа! Папа! Скорей, скорей! – в отчаянии зову я отца на помощь.

Отец не трогается с места и шипит:

– Держись крепче, не распускай слюней, чертов сын!

Упираюсь ногами в сучковатый пенек, тяну рыбу к отлогому берегу. Сазан буравит воду, бросается вглубь; я пыжусь вовсю, круто вскидываю удилище; сазан упрямится как бык, я тащу еще отчаяннее, и вдруг – тр-р-р! – сухой треск, удилище пополам. Я брыкаюсь на землю. Половина удилища на воде, рывками, как взбешенный уж, обломок прыгает по взбаламученной поверхности и стремительно несется в сторону, скрывается в камыше. Обалдев, лежу с разинутым ртом.

– Эх ты, чертова перешница, рыбак, куда же ты его тянул, на небо, что ли? – смеется отец.

Идет быстро к лодке и настигает уставшего беглеца у коряги. С помощью сачка водворяет его в лодку.

– На, принимай свою добычу!

Рыбачить мне позволяли вволю. И летом я целыми днями пропадал на Урале. В легких тенях перелесков, на горячих песках, под крутыми ярами наша ребячья ватага кейфовала с раннего утра до сумерек. Полуголые, всегда босые, мы мокли в воде, ловя на мух или червячка «касынчиков» – мелкую рыбешку для насады. Крючки на них мы мастерили из тонких иголок, уворованных у матери. Калили их на огне и загибали. Наловив животку, забрасывали переметы – длинная бечева с рядом поводков и больших крючков-удочек. К вечеру вытягивали свои снасти всегда с богатым уловом. Чаще всего нам попадались огромные, до восьми кило, судаки. Щук, сомов, бель мы презирали, с бранью забрасывая их снова в воду или оставляя на песке на съедение воронам, коршунам и рыболовкам.

Казак в то время ревниво охраняли Урал. В неурочное время нельзя было рыбачить даже удочкой. Для рыбалки переметами было отведено место на перевозе, – но кто же из нас шел туда? Мы презирали трусливых сверстников, ходивших ловить судаков к перевозу, хотя и там рыбы было более чем достаточно. Нас, ребят, дома всегда журили, что мы носим так много рыбы: летом ее некуда было девать. Возвращаясь домой, мы развешивали судаков по деревьям в надежде, что ими воспользуются проезжие. Мы с радостью вручали рыбу первому встречному. А наутро опять мчались на Урал, чтоб снова и снова пережить рыбачьи треволнения, чувства браконьеров, ловко обманывающих начальство. Это придавало рыбалке оттенок таин-

ственности и героизма. Нам доставляло острое наслаждение прятаться в лесу, по ярам от объездчиков и ревизоров, зарывать до вечера пойманную рыбу в песок. Мать после рассказывала:

– Часто тебя не бывало чуть ли не до полночи. Я начинала беспокоиться: не утонул ли? Выходила встречать тебя к мельнице на сырт. И вот жду, смотрю: наконец вижу, как по дороге, согнувшись в три погибели, топают маленькая фигурка, а за спиной у ней большим бугром топорщится мешок с рыбой. Диву даешься, как ты ее донес: иногда бывало больше пуда. Кормилец! – смеялась мать.

А у меня в самом деле было тогда это чувство деловитой гордости: кормлю семью!

За лето загорал я невероятно. На меня было страшно смотреть. Ноги мои делались заскорузлыми, как старая овчина, на них выступали кровавые щели – «цыпки». Как-то мать вынуждена была лечить мои ноги: смазала их каймаком³, глицерином и касторкой. Мне показалось, что меня режут, так начало сильно щипать. Я ревел, катаясь по полу. Дочь начальника и Коська примчались к нам на крик.

– А мы-то думали: мотри, Валька не удочку ли сглотнул, помирает...

Наутро я, конечно, снова умчался на Урал, захватив кусок хлеба. Неужели же дожидаться, когда взрослые станут пить чай? Коська, Пашка, Мишка, Ставка завладеют лучшими местами: что же я-то буду делать?

Но и во время рыбалки я грезил и жил охотой. Холоднокровная рыба волновала меня несравненно меньше; настоящую страсть пробуждали во мне дикие птицы и звери. Я без ружья выдумывал охоты на них. Летом я ловил их силками, петлями. Белых рыболовов мы «имали» на рыбку, как судаков. Привяжешь живчика на нитку, с другой стороны ее прикрепишь небольшой камешек. Птица, проглотив рыбку, унесется в небо с камешком, но через полчаса, умаявшись, упадет где-нибудь на песок. Отец преследовал нас за это варварское занятие. Частенько компанией ребят мы уходили в степи и там по целым дням гонялись за сусликами. Обычно мы их добывали петлями или выливали водой из глубоких нор. Сколько я их уничтожил тогда – не счесть! Однажды я принес домой совсем белого суслика. Отец назвал его «Альбинос». Он долго жил у меня под крыльцом, выкопав себе нору. Я снабжал его провиантом. С тех пор мне памятно это важное слово, хотя смысл его я узнал гораздо позднее.

Зимой мы частенько убегали в лес за зайцами. Их было много у самого поселка; летом нетрудно было поймать молодого зайчонка. Но моей заветной мечтой было промыслить зимнего белоснежного беляка или рыжего, матерого, русачину. Но как поймашь их по снегу? Мы забирали из поселка собак и лазили по брюхо в рыхлом снегу, подзадоривая криком своих «борзых». Как хороши были эти морозные дни среди сиявших от солнца снежных просторов, среди тихих деревьев, укутанных белою перевязью нежного инея! Но зайца нам не удавалось поймать очень долго. Мы начали отчаиваться. Я по ночам бредил зайцами. Каждый из нас старался найти новый путь к выполнению нашей мечты. Сманивали у проезжих по поселку их собак и шли в лес, с новой энергией ползая по сугробам. Не раз и не два я обмораживал себе уши, но это не останавливало меня в моих бродяжничествах. Отец только смеялся над моими ослиными «лопухами», но сам разжигал мои страсти насмешками. Мать терпеливо смазывала гусиным салом мои воспаленные уши. Каждое утро Коська Бакалкин влетал ко мне как ошпаренный и, сияя горящими глазами, упоенно врал:

– Валька, вчера я собаку видел: во собака! Целый верблюд, а не собака. Агромадная, ноги как у бизяновского иноходца, морда – во! – он выбрасывал руку на пол-аршина в сторону. – Не токма што зайца, волка догонит.

– Врешь, поди? Во сне видал?

³ Охлажденные густые сливки, снятые с топленого молока.

– Ей-ей! Лопни мои глазыньки, не сойти мне с этого места, провалиться мне сквозь землю, отсохни моя рука, подохни мои папанышка и маманышка! – с вдохновенным легкомыслием клялся Коська.

На поверку оказывалось, что это какая-нибудь паршивая, захудалая дворняга, выгнанная хозяином со двора.

Наконец судьба улыбнулась нам. В поселок приехал вальщик Владимир. У него была рослая, поджарая белая собака Мальчик. Я сразу понял, что в ней наше счастье. Долго мы умоляли Владимира доверить нам собаку, но он оказался хитрым мужичонкой и требовал с нас платы. Мы перетаскали ему несколько гривенников, добытых – покаюсь – не всегда честными путями.

Но Владимир оказался ненасытным, – хотелось ему еще выпить на даровщинку, он требовал снова приношения даров, видя наш охотничий азарт. Коська и я с отчаянием молили его:

– Ну дай же нам собачку, ей-пра! Чего ей сделается? Ей-богу, потом еще притащим денег. Нет же у нас теперь. Вот старик Андрон Кабаев скоро помрет, нас покличут на поминки, там беспрерывно дадут нам самое меньшее по двугривенному, – твои, ей-ей, твои! Притащим, как бог свят, притащим!

У казаков был обычай одаривать на похоронах ребят на помин души умершего.

– Да, жди его, когда он помрет! Может, он сто лет еще проживет, – сумрачно вздыхал Владимир.

Коська вопил:

– Помрет, я тебе говорю, помрет, ей-богу, того и гляди – помрет! Все бают. Ты сам глянь, чуть ногами шаркает. Лопни мои глаза, в гробу мне перевернуться тысячу раз, провалиться мне на этом месте!

И только после таких горячих заверений он нам доверил собаку. Сашка, Коська и Мишка пошли со мной в лес. Мальчика мы вели, как сейчас помню, на синем кушаке, чтобы он не бежал от нас. Добираемся до лесу. Мальчик нас радует, рвется вперед, приносиваясь к заячьим следам. Я волокусь за ним, падаю, но держу его крепко. Но вот он скакнул резко вперед, я лечу через голову, сзади исступленно орет Мишка:

– Пушай, пушай, заяц!

Я отпускаю собаку. Она кидается за зайцем, делая огромные прыжки. Заяц направляется в лес. Мальчик настигает его. Вслед им несется сумасшедший хор:

– Улю-лю! Бери его! Мальчик, Мальчик!

Собака уже около зайца, дожимает его; заяц круто поворачивает обратно; Мальчик со всего маху ударяется о дерево и валится замертво на снег.

Задышавшись от усталости и волнения, подбегаем к собаке. Раскинувшись, лежит она без движений. Начинаем испуганно ворошить ее... Слезы проступают у меня на глазах. Что теперь будет? Как я рассчитаюсь с Владимиром? Но вот Мальчик повел башкой, открыл глаза, растерянно, огляделся по сторонам и тут же ринулся по следу. Зайца он не нагнал, но снова пришел в себя и ласково завертел хвостом, когда я кинул ему хлеба.

Двигаемся дальше. Проходим луговиной, по сухим камышам. Из-под ног вырывается рыжий русачина. Снова улюлюканье, крики... Мальчик метнулся за зайцем и через каких-нибудь двести шагов настиг его. Теперь он не дал обмануть себя зайцу, и, когда тот сделал петлю, он ловко пересек ему путь и ухватил его за спину. Пронзительно ревуший заяц, собака, мы сами – все это сплелось в клубок на снегу. Я потерял варежки, Мишка разбил себе нос, – но кто же обращает внимание на такие пустяки? Мы оставили без привязи собаку и бросились домой.

Владимир обрадовался не меньше нашего. Он гордо заявил, что Мальчику цена «сто рублей».

Мы поволокли зайца на продажу. После долгой ряды лавочник вручил нам пятак. Казаки не ели зайцев, считая их погаными. Цену имела только шкура. Но что нам деньги? Больше месяца мы каждый день рассказывали друг другу о своей необычайной удаче. Коська бахвалился нашим подвигом на всех перекрестках. С этих пор мы стали считать себя заправскими охотниками.

3 Охлажденные густые сливки, снятые с топленого молока.

3. Стрепета

Настоящий охотничий сезон начинался летом, с приездом на каникулы моих братьев. Целые дни проводили мы в лугах, бродя по берегам озер и затонов Урала. Любимым нашим местом была котловина Каленовской старицы. Там всегда клевали сазаны, по камышам выводились утки самых различных пород, на лужайках то и дело выпархивали из травы стайки серых куропаток. В камышовых зарослях на берегах жили волки, зайцы и лисы.

Помню, подъехали мы как-то рано утром к старице. Брат с ружьем начал пробираться к воде, надеясь пальнуть по уткам. И вдруг видим, как он, глянув в сторону, начал поспешно пятиться назад.

– В чем дело? – спрашивает отец.

– Волк, там в камышах волк, – испуганно шепчет побледневший охотник.

Отец выхватил у него ружье, кинулся в камыши, мы побежали за ним, но волка уже не оказалось, он успел улизнуть. Долго подтрунивали над храбрым стрелком, и брат только сумрачно отмалчивался.

В это же лето у нас произошла другая встреча с волками. Бегая, как обычно, босым по берегу старицы, я сильно поранил ногу, наступив на скошенную дудку сухого камыша. Рана была глубокая и сильно кровоточила. Я упал на землю и заревел истошным голосом:

– Ой, мама, умираю! Совсем умираю, о-ох!

Матери не было с нами, но я продолжал звать ее на помощь. Братья с похоронной песней перенесли меня на стан. Я заревел еще сильнее. Отец, промыв рану, начал делать мне перевязку. Я продолжал стонать и плакать. В этот момент из леса вышел бородатый рябой казак и зычно крикнул:

– Батюшка, нору волчью нашли, копаем! Трех волчат уже пумали. Ребята, иди смотреть! Потешные!

Сам я не помню, что со мной было, но отец много раз после рассказывал: глаза мои сразу просохли, я вырвался из рук отца, сорвал начатую повязку и понесся вперед – вслед за братьями, стараясь их обогнать, умоляя подождать меня. Отец криками пытался меня остановить, – где там! Я даже не оглянулся.

У норы находились еще двое казаков. Один из них держал в руках связанных веревкою волчат, а другой лежал с ружьем у норы, ожидая выхода оттуда волчицы. Пришел и отец к норе. Я стал просить у казаков подарить мне волчонка. Казак с усмешкой тотчас же передал мне одного из них. Он был совсем небольшим щенком, но уже зло щерил свои острые зубы, рычал, стараясь укусить меня за руку. Я испугался и бросил его на землю. Он, потешно переваливаясь, засеменил к кустам. Его нагнали и снова посадили на привязь. Я хотел его взять домой, но отец не разрешил. Тогда я вспомнил о своей ране и заревел, повалившись на землю. Все захохотали надо мной, что меня расстроило еще больше. Я долго валялся у норы, но меня теперь не замечали. И после этого случая всякий раз, как только я начинал жаловаться на какие-нибудь боли, отец смеялся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.